

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор дел, рассмотренных Конституционным Судом Российской Федерации

ДЕКАБРЬ • 2013

Постановление от 6 декабря 2013 года № 27-П по делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201312100003; дата опубликования: 10.12.2013)

Правовые категории в Постановлении: юридическая сила решений Европейского Суда по правам человека; пересмотр судебного решения по новым обстоятельствам.

Заявители: президиум Ленинградского окружного военного суда (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ во взаимосвязи с частями первой и четвертой его статьи 11 в той мере, в какой они служат для суда общей юрисдикции основанием принятия решения о пересмотре вступившего в законную силу судебного постановления вследствие установления Европейским Судом по правам человека, разрешившим дело заявителя, нарушения в отношении него положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, возникшего вследствие применения положений законодательства Российской Федерации, при наличии решения Конституционного Суда РФ, содержащего вывод об отсутствии нарушения в конкретном деле данными законоположениями конституционных прав того же заявителя.

Позиция заявителей: По мнению президиума Ленинградского окружного военного суда, оспариваемые законоположения противоречат статье 15 Конституции РФ в той мере, в какой они допускают пересмотр всту-

пившего в законную силу судебного постановления при наличии противоположных правовых позиций Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека относительно соответствия примененных при рассмотрении конкретного дела норм национального законодательства положениям Конституции РФ и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, создавая тем самым препятствия для правильного разрешения дела.

Итоговые выводы решения: Конституционный Суд признал пункт 4 части четвертой статьи 392 ГПК РФ во взаимосвязи с частями первой и четвертой его статьи 11 не противоречащими Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования эти законоположения не препятствуют суду общей юрисдикции начать по заявлению гражданина, жалоба которого в Конституционный Суд на нарушение его конституционных прав и свобод ранее была признана не отвечающей критерию допустимости, производство по пересмотру по новым обстоятельствам вступившего в законную силу судебного постановления в связи с установлением Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении данного гражданина при рассмотрении

судом общей юрисдикции соответствующего гражданского дела.

В случае, если суд общей юрисдикции придет к выводу о невозможности исполнения постановления Европейского Суда без признания не соответствующими Конституции РФ законоположений, относительно которых ранее Конституционный Суд констатировал отсутствие нарушения ими конституционных прав заявителя в конкретном деле, он правомочен приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности этих законоположений.

Мотивы решения. В процессе производства по пересмотру вступившего в законную силу судебного постановления в порядке пункта 4 части четвертой статьи 392 ГПК РФ суд общей юрисдикции может прийти к выводу о невозможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека без отказа от применения положений законодательства Российской Федерации, ранее признанных Конституционным Судом не нарушающими конституционные права заявителя в его конкретном деле. В таком случае, поскольку права и свободы человека и гражданина, закрепленные Конституцией РФ, — это, по существу, те же права и свободы, которые признаны Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, перед судом общей юрисдикции встает вопрос о конституционности указанных законоположений.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда, выраженной в *Постановлении от 16 июня 1998 года № 19-П*, выявление неконституционных законоположений и их исключение из числа действующих правовых норм может являться только совокупным результатом взаимодействия судов различных видов юрисдикции, предполагающего, с одной стороны, реализацию судом общей юрисдикции правомочия поставить вопрос о конституционности соответствующих норм перед Конституционным Судом РФ, а с другой — обязанность Конституционного Суда окончательно разрешить этот вопрос.

Оспариваемые законоположения, таким образом, не могут рассматриваться как препятствующие суду общей юрисдикции приостановить производство по делу и обратиться с запросом в Конституционный Суд о проверке соответствия Конституции законо-

положений, исполнение которых, согласно решению Европейского Суда, повлекло нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Рассматривая ситуацию, когда до вынесения Европейским Судом окончательного постановления, констатирующего нарушение Конвенции применением конкретных законоположений, жалоба того же заявителя в Конституционный Суд на нарушение его конституционных прав теми же законоположениями была признана не отвечающей критерию допустимости, Конституционный Суд установил следующее.

Конституционный Суд принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл оспариваемой нормы, так и смысл, придаваемый ей официальным и иным толкованием либо сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из ее места в системе норм. Следовательно, содержащийся в окончательном постановлении Европейского Суда по правам человека вывод о нарушении прав заявителя, гарантированных Конвенцией, положениями российского законодательства, примененными в его конкретном деле, может свидетельствовать о неопределенности в вопросе о соответствии этих законоположений Конституции РФ, что, в свою очередь, может являться основанием — при наличии надлежащего обращения — для возбуждения конституционного судопроизводства.

В таких случаях тот факт, что ранее Конституционный Суд признал жалобу гражданина не отвечающей критерию допустимости в связи с отсутствием нарушения его конституционных прав законоположениями, примененными в его конкретном деле, не может служить препятствием для принятия им к рассмотрению запроса суда общей юрисдикции, который по заявлению того же гражданина осуществляет в порядке пункта 4 части четвертой статьи 392 ГПК РФ пересмотр вступившего в законную силу судебного постановления. При этом, если в ходе конституционного судопроизводства рассматриваемые законоположения будут признаны не противоречащими Конституции РФ, Конституционный Суд в рамках своей компетенции определяет возможные конституционные способы реализации постановления Европейского Суда по правам человека.

Нормы международного права, использованные в Постановлении: статьи 19, 32, 34, 41, 46 Конвенции о защите прав человека

и основных свобод; Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 19 января 2000 года R(2000)2.

Постановление от 19 декабря 2013 года № 28-П по делу о проверке конституционности положения абзаца второго пункта 5 статьи 53 Уставного закона Красноярского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Красноярского края»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201312230075; дата опубликования: 23.12.2013)

Правовые категории в постановлении: право быть избранным в органы государственной власти; право участия в управлении делами государства через избранных представителей; распределение депутатских мандатов; политические партии.

Заявитель: гражданин В. А. Худоренко (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положение абзаца второго пункта 5 статьи 53 Уставного закона Красноярского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Красноярского края» от 21 апреля 2011 года № 12-5778, предоставляющее коллегиальному постоянно действующему руководящему органу избирательного объединения правомочие при распределении депутатских мандатов по результатам выборов определять региональную группу из краевого списка кандидатов в депутаты, зарегистрированному кандидату из которой в случае отказа от депутатского мандата зарегистрированного кандидата, включенного в общекраевую часть краевого списка кандидатов, передается вакантный депутатский мандат.

Позиция заявителей: По мнению В. А. Худоренко, процедура распределения депутатских мандатов, предусмотренная абзацем вторым пункта 5 статьи 53 Уставного закона Красноярского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Красноярского края», нарушает права граждан-кандидатов быть избранными в органы государственной власти и права избирателей участвовать в управлении делами государства через избранных ими представителей, поскольку руководящему органу избирательного объединения предоставляется необоснованно широкая дискреция в осуществлении права распреде-

лять по результатам выборов депутатов в Законодательное Собрание Красноярского края депутатские мандаты, от которых отказались зарегистрированные кандидаты, включенные в общекраевую часть краевого списка кандидатов, что противоречит требованиям статей 17 (части 1 и 3), 19 (часть 2), 32 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции РФ.

Итоговые выводы решения: положение абзаца второго пункта 5 статьи 53 Уставного закона Красноярского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Красноярского края», предоставляющее коллегиальному постоянно действующему руководящему органу избирательного объединения правомочие при распределении депутатских мандатов по результатам выборов в Законодательное Собрание Красноярского края определять региональную группу из краевого списка кандидатов в депутаты, зарегистрированному кандидату из которой передается вакантный депутатский мандат в случае отказа от депутатского мандата зарегистрированного кандидата, включенного в общекраевую часть краевого списка кандидатов, не соответствует статьям 3 (части 1–3), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 32 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции РФ в той мере, в какой им допускается принятие решения по данному вопросу вне зависимости от формально определенных критериев, увязывающих выбор региональной группы, зарегистрированному кандидату из которой передается вакантный депутатский мандат, с результатами волеизъявления избирателей.

Мотивы решения. Ссылаясь на конституционные положения, Суд подтверждает важность политических партий для реализации права граждан избирать и быть избранными

в органы государственной власти, именно политические партии определяются как основные коллективные участники избирательного процесса, опосредующие осуществление избирательных прав граждан и права народа на свободные выборы.

Также Суд, находя подтверждение этой позиции в уже принятых постановлениях Конституционного Суда, решениях Европейского Суда по правам человека, констатирует значительные пределы усмотрения государства при регулировании избирательной системы. В выборе соответствующих механизмов, средств и методов законодатель обладает дискрецией, определяемой, в частности, историческими условиями, складывающимися на том или ином этапе развития государства, что позволяет ему при регламентации избирательных процедур принять решение, от которого зависит, будет ли избирательная система мажоритарной, пропорциональной или смешанной.

Положения обсуждаемого закона Красноярского края предполагают применение мажоритарной избирательной системы, по которой избирается одна половина состава Законодательного Собрания Красноярского края, и пропорциональной избирательной системы, по которой избирается другая его половина.

Из положений закона также следует, что при формировании краевого списка зарегистрированных кандидатов усмотрение политической партии в отношении распределения по результатам выборов независимых депутатских мандатов не предполагается.

Но по смыслу абзаца второго пункта 5 статьи 53 Уставного закона Красноярского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Красноярского края» распределение между региональными группами краевого списка кандидатов тех депутатских мандатов, от которых отказались кандидаты, включенные в общекраевую часть краевого списка кандидатов, строится на иных принципах: избирательному объединению предоставлено право предлагать Избирательной комиссии Красноярского края передать депутатский мандат в одну из региональных групп из того же краевого списка кандидатов, а на Избирательную комиссию Красноярского края возложена обязанность передать депутатский мандат зарегистрированному кандидату из предложенной региональной группы.

В результате при определении кандидатуры для замещения депутатского мандата из зарегистрированного списка кандидатов может не учитываться как очередность региональных групп краевого списка кандидатов в зависимости от количества отданных за них голосов избирателей, так и то обстоятельство, что избиратели, отдавая голоса за список кандидатов в целом, голосовали и за каждого кандидата, внесенного в этот список в порядке очередности, самостоятельно определенной избирательным объединением при выдвижении списка кандидатов.

Гражданин как избиратель в силу принципа прямого избирательного права вправе рассчитывать на то, что его голос в поддержку того или иного кандидата (списка кандидатов) будет учтен и зафиксирован уполномоченным органом в точном соответствии с состоявшимся актом волеизъявления, а гражданин, выступающий в качестве зарегистрированного кандидата и получивший по результатам выборов необходимое, определенное законом большинство голосов избирателей, вправе получить мандат члена соответствующего самостоятельного и независимого органа публичной власти. Осуществление же избирательных прав, гарантированных статьей 32 (часть 2) Конституции РФ, не ограничивается одним только голосованием граждан или их регистрацией в качестве кандидатов на выборные должности. Нормативно-регулятивный потенциал данного конституционного положения реализуется на протяжении всего избирательного процесса, на всех его последовательно сменяющихся друг друга стадиях.

Суд исходил из того, что единственными конституционно признанными обладателями пассивного избирательного права являются граждане и что с приобретением гражданином публично-правового статуса кандидата в депутаты процесс реализации им пассивного избирательного права перестает быть предметом свободного усмотрения выдвинувшего его избирательного объединения (политической партии, ее регионального отделения), избирательное объединение не вправе отступать от обусловленности распределения депутатских мандатов результатами волеизъявления избирателей. Суд пришел к выводу, что наделение избирательного объединения таким правом было бы равносильно предоставлению ему возможности, отдавая предпоч-

тение одним кандидатам и одновременно допуская дискриминацию в отношении других, изменять в конечном счете результаты выборов — вопреки волеизъявлению избирателей.

Таким образом, в Российской Федерации как правовом государстве правомочием распределения вакантных депутатских мандатов среди зарегистрированных кандидатов обладает избирательное объединение, но осуществляться оно должно не произвольно, а исходя из юридически значимых обстоятельств, явившихся следствием прямого волеизъявления избирателей в условиях подлинно свободных и справедливых выборов.

Постановление от 23 декабря 2013 года № 29-П по делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201312260007; дата опубликования: 26.12.2013)

Правовые категории в Постановлении: наследство; право наследования; отказ от наследства в пользу других лиц; отказ от части наследства.

Заявитель: гражданин М. В. Кондрачук (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: абзац первый пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса РФ в той мере, в какой содержащееся в нем нормативное положение — в том числе с учетом его толкования в правоприменительной практике, сложившейся на основе разъяснений Верховного Суда РФ, — позволяет определять круг лиц из числа наследников по закону любой очереди, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства.

Позиция заявителя: положение абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса РФ не позволяет однозначно определить круг лиц, в пользу которых можно совершить отказ от наследства, допуская тем самым в правоприменительной практике различные подходы к решению этого вопроса и, следовательно, возможность необоснованного исключения некоторых лиц из круга наследников по закону.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд признал абзац первый пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса РФ не со-

Нормы международного права, использованные в Постановлении: параграфы 126, 129 Положения о правовом регулировании деятельности политических партий, Европейская комиссия за демократию через право (Венеция, 15—16 октября 2010 года); Постановление от 2 марта 1987 года по делу «Матье-Моэн (*Mathieu-Mohin*) и Клерфейт (*Clerfayt*) против Бельгии», Европейский Суд по правам человека; статья 9 Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств.

ответствующим Конституции РФ, ее статьям 1 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 35 (часть 4), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой данное законоположение в силу неопределенности своего нормативного содержания в части определения круга лиц из числа наследников по закону, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства, допускает возможность неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного применения института направленного отказа от наследства в этой части.

Мотивы решения. Право наследования, гарантированное статьей 35 (часть 4) Конституции РФ, включает в себя два права: право наследодателя распорядиться своим имуществом на случай смерти и право наследников на его получение (см.: *Постановление от 16 января 1996 года № 1-П*). При этом возможность для собственника распоряжаться принадлежащим ему имуществом является основой свободы наследования. Однако такая свобода не носит абсолютного характера — она может быть ограничена федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в конституционно значимых целях, и при условии, что соответствующее ограничение носит обоснованный и соразмерный характер.

В наследственных правоотношениях приоритетной является воля наследодателя, выраженная в завещании, а наследование по закону имеет место, когда и поскольку оно не изменено завещанием (статья 1111 Гражданского кодекса РФ). Право быть наследником — неотъемлемый элемент правового статуса каждого гражданина. Обусловленное фактом смерти наследодателя, оно реализуется лицом, которое указано в завещании в качестве правопреемника наследодателя или является таковым в силу закона и к которому переходят его права и обязанности в результате наследственного правопреемства с учетом воли наследодателя. Соответственно, для случаев, когда завещание не было составлено или признается недействительным, принцип учета воли наследодателя (действительной или предполагаемой) требует определения круга наследников по закону и очередности их призвания к наследодателю таким образом, как если бы наследодатель лично принял решение, исходя в том числе из наличия супружеских либо родственных отношений и степени родства.

Согласно пункту 1 статьи 1141 Гражданского кодекса РФ наследники каждой последующей очереди наследуют, если нет наследников предшествующих очередей, то есть если наследники предшествующих очередей отсутствуют, либо никто из них не имеет права наследовать, либо все они отстранены от наследования, либо лишены наследства, либо никто из них не принял наследства, либо все они отказались от наследства. Наследники же всех последующих очередей устраняются от наследования, если имеется хотя бы одно лицо, отнесенное к предыдущей очереди, и если это лицо не лишено по каким-либо причинам права наследования и намерено его реализовать.

Лицо, имеющее право на принятие наследства (право наследования), по смыслу Гражданского кодекса РФ, в том числе его статей 1152–1159, может принять наследство, не принимая наследство либо отказаться от него.

Отказ от наследства, в том числе в пользу других лиц представляет собой строго формальную одностороннюю сделку, посредством которой наследник, призванный к правопреемству после умершего лица, отказывается от причитающегося ему наследственного иму-

щества в пределах установленного срока принятия наследства.

При совершении так называемого направленного отказа от наследства необходимо соблюдение ряда установленных Гражданским кодексом РФ требований, что ограничивает возможности такого отказа. Это ограничение имеет целью не допустить искажения непосредственно выраженной или предполагаемой воли наследодателя, к чему может привести перераспределение наследства по усмотрению наследников в рамках наследственных правоотношений. Исходя из этого Гражданский кодекс РФ не только ограничивает круг субъектов, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства, лицами из числа наследников по завещанию и наследников по закону любой очереди, но и прямо устанавливает запрет на отказ от наследства в пользу лиц, к наследникам не относящихся, нарушение которого, равно как и иных вытекающих из статьи 1158 данного Кодекса запретов, влечет недействительность совершенного отказа, — такая сделка в силу пункта 2 его статьи 168 является ничтожной.

Кроме того, в соответствии с пунктом 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», допускается отказ от наследства лишь в пользу лиц из числа наследников по завещанию, а также тех лиц из числа наследников по закону любой очереди, которые призваны к наследованию.

Данное Постановление отражает один из возможных, конституционно приемлемый и не отступающий от конституционных начал наследственных отношений подход к решению данного вопроса. Более того, в целях обеспечения единства правоприменительной практики Пленум Верховного Суда РФ действует в рамках компетенции, истолковывая правовоположения при отсутствии в нем нормативной определенности. Применение судами общей юрисдикции в ходе рассмотрения дела конкретных правовых норм должно соотноситься с разъяснениями, данными Пленумом Верховного Суда РФ, — иное может свидетельствовать о судебной ошибке, допущенной при разрешении дела.

Новое официальное судебное толкование института направленного отказа от наследства носит не первичный характер, а, по су-

шеству, с определенного момента заменяет ранее действовавшее официальное судебное толкование (Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1 июля 1966 года № 6 «О судебной практике по делам о наследовании»). Оно воспринимается как распространяющееся и на те правоотношения, которые возникли до принятия нового Постановления. Это свидетельствует о том, что ранее действовавшее официальное судебное толкование не обеспечивало определенность норма-

тивного содержания абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса РФ, необходимую при решении вопроса об установлении круга лиц, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства.

В силу вышесказанного, необходима законодательная конкретизация правового регулирования направленного отказа от наследства в части определения круга лиц из числа наследников по закону, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства.

Постановление от 24 декабря 2013 года № 30-П по делу о проверке конституционности статей 4, 5 и пункта 5 статьи 14 Федерального закона «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201312270037; дата опубликования: 27.12.2013)

Правовые категории в Постановлении: разграничение полномочий органов государственной власти; социальная поддержка.

Заявители: Правительство Волгоградской области и Правительство Сахалинской области (в порядке части 2 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: статьи 4, 5 и пункт 5 статьи 14 Федерального закона «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» в той мере, в какой решается вопрос о принадлежности конкретного уровня публичной власти установленному им полномочия по внеочередному предоставлению гражданам, больным различными формами туберкулеза (семьям, имеющим ребенка, больного заразной формой туберкулеза), отдельных жилых помещений с учетом права этих граждан на дополнительную жилую площадь в соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации, а также обязанности по обеспечению данного полномочия материальными и финансовыми средствами.

Позиция заявителей: Правительство Сахалинской области утверждает, что названные законоположения противоречат статьям 40, 41, 72 (пункты «ж», «к» части 1) и 76 (часть 2) Конституции РФ, поскольку ими не разграничиваются полномочия органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов

Российской Федерации по социальной поддержке граждан, больных заразными формами туберкулеза (семей, имеющих ребенка, больного заразной формой туберкулеза), притом что обязанность по принятию нормативных правовых актов, регулирующих порядок предоставления жилых помещений указанной категории граждан в качестве меры их социальной поддержки, возлагается на субъекты Российской Федерации. Подобная правовая неопределенность, по мнению заявителя, приводит к тому, что субъект Российской Федерации, хотя это прямо и не отнесено к его полномочиям, вынужден решать вопрос об обеспечении таких граждан жильем за счет собственного жилищного фонда, что нередко препятствует своевременной реализации ими права на получение отдельных жилых помещений вне очереди.

Правительство Волгоградской области, оспаривающее конституционность пункта 5 статьи 14 Федерального закона «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации», полагает, что содержащаяся в нем норма нарушает вытекающий из статьи 19 Конституции РФ принцип правовой определенности, поскольку, не отвечая на вопрос, за счет каких средств и в каком порядке возмещаются расходы, связанные с предоставлением жилых помещений больным различными формами туберкулеза (семьям, имеющим ребенка, больного заразной фор-

мой туберкулеза), она позволяет судам общей юрисдикции толковать ее как обязывающую субъект Российской Федерации обеспечивать соответствующую категорию граждан жильем за счет жилищного фонда субъекта Федерации, хотя федеральным законодательством к его полномочиям это прямо не отнесено.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд признал пункт 5 статьи 14 Федерального закона «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» не соответствующим Конституции РФ, ее статьям 7, 18, 19 (части 1 и 2), 40 и 41 (части 1 и 2), в той мере, в какой в силу своей нормативной неопределенности он не позволяет точно, ясно и недвусмысленно установить принадлежность конкретному уровню публичной власти полномочия по внеочередному предоставлению отдельных жилых помещений гражданам, больным заразными формами туберкулеза (семьям, имеющим ребенка, большого заразной формой туберкулеза), и обязанности по выделению необходимых для его осуществления материальных и финансовых средств и тем самым — обеспечить защиту права указанных граждан на данную меру социальной поддержки, притом что по смыслу, придаваемому названному законоположению правоприменительной практикой, не предполагается осуществление этого полномочия органами государственной власти Российской Федерации в качестве расходного обязательства Российской Федерации.

В отношении проверки конституционности статей 4 и 5 Федерального закона «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» Конституционный Суд постановил прекратить производство по делу.

Мотивы решения. В отношении проверки конституционности пункта 5 статьи 14 Федерального закона «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» Конституционный Суд руководствовался следующими мотивами.

По смыслу статей 11 (часть 3), 72 и 76 (части 2 и 5) Конституции РФ, федеральный законодатель, осуществляя правовое регулирование по вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, вправе устанавливать как компетенцию органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъ-

ектов Российской Федерации в той или иной сфере совместного ведения, так и принципы разграничения их полномочий в соответствующей сфере совместного ведения.

Правовое регулирование, позволяющее точно и однозначно определить принадлежность того или иного полномочия, в том числе обеспечивающего осуществление прав граждан, нуждающихся в государственной поддержке, органам публичной власти конкретного уровня, является необходимым элементом надлежащего распределения обязанностей между Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями по реализации данного полномочия и тем самым создания в России как правовом социальном государстве условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Как следует из статьи 40 (части 1 и 3) Конституции РФ, осуществление права на жилище малоимущими, иными указанными в законе гражданами, нуждающимися в жилище, обеспечивается путем предоставления его бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

Жилые помещения из муниципального жилищного фонда предоставляются по договорам социального найма малоимущим гражданам, признанным нуждающимися в жилых помещениях по установленным Жилищным кодексом РФ основаниям, а также иным категориям граждан — в случае наделения органов местного самоуправления соответствующих муниципальных образований в установленном законом порядке государственными полномочиями на обеспечение указанных категорий граждан жилыми помещениями. Во всех остальных случаях жилые помещения по договорам социального найма предоставляются из жилищного фонда Российской Федерации или жилищного фонда субъекта Российской Федерации. При этом во всяком случае обязанности публичной власти по обеспечению реализации гражданами, относящимися к каждой определенной законодательством категории, права на жилище должны быть также четко определены законом.

Действующее жилищное законодательство относит к числу нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам

социального найма, лиц, являющихся членами семьи собственника жилого помещения, проживающими в квартире, занятой несколькими семьями, если в составе семьи имеется больной, страдающий тяжелой формой хронического заболевания (в том числе заразной формой туберкулеза), при которой совместное проживание с ним в одной квартире невозможно, и не имеющими иного жилого помещения, занимаемого по договору социального найма или принадлежащего на праве собственности. Предоставление по договорам социального найма жилых помещений таким категориям граждан осуществляется вне очереди.

Внеочередное предоставление гражданам, больным заразными формами туберкулеза (семьям, имеющим ребенка, больного заразной формой туберкулеза), отдельных жилых помещений не входит в установленный пунктом 2 статьи 26³ Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» перечень полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемых ими самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета).

Указание в пункте 5 статьи 14 Федерального закона «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» на то, что названным в нем лицам отдельные жилые помещения предоставляются вне очереди с учетом их права на дополнительную жилую площадь в соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации, не может расцениваться как надлежащая передача Российской Федерацией данного полномочия для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации, поскольку в названном Федеральном законе не закреплены необходимые для такой передачи условия, предусмотренные пунктом 4 статьи 26¹ и пунктом 7 статьи 26³ Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Как следует из Жилищного кодекса РФ

(часть 2 статьи 49) и Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (статьи 14–17), внеочередное предоставление отдельных жилых помещений гражданам, больным различными формами туберкулеза (семьям, имеющим ребенка, больного заразной формой туберкулеза), не отнесено и к вопросам местного значения.

Между тем, по смыслу статей 40, 41, 71 (пункт «в»), 72 (пункты «б», «ж», «к» части 1) и 76 (части 2 и 5) Конституции РФ, предполагается, что если в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов установленное федеральным законом конкретное полномочие не отнесено к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляемым ими самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета), и не передано им для осуществления, по общему правилу, за счет субвенций из федерального бюджета, то такое полномочие принадлежит органам государственной власти Российской Федерации. Однако данный вывод применительно к определению пунктом 5 статьи 14 Федерального закона «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» принадлежности полномочия по внеочередному предоставлению отдельных жилых помещений гражданам, больным заразными формами туберкулеза (семьям, имеющим ребенка, больного заразной формой туберкулеза), по существу, опровергается отсылкой к законодательству субъектов Российской Федерации.

Таким образом, пунктом 5 статьи 14 Федерального закона «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» принадлежность полномочия по оказанию меры социальной поддержки в виде внеочередного предоставления отдельных жилых помещений не определена с достаточной степенью ясности, точности и недвусмысленности. В результате судами общей юрисдикции данное законоположение толкуется как не предполагающее осуществление установленного им полномочия органами государственной власти Российской Федерации в качестве расходного обязательства Российской Федерации.